

М. АЛДАНОВ*

Ленин. Политическая биография**

<Фрагменты>

Вступление

В этой книге я ставлю перед собой двойную цель. С одной стороны — изучение сильной и довольно-таки любопытной личности. Ни один человек, даже Петр Первый, не оказал такого влияния на судьбы моей родины, как Ленин. Ни один человек, даже Николай II, не причинил ей столько зла: ведя речь о деспоте, в порядке вещей прибегать к сравнениям с ему подобными.

---

* *Марк Алданов* (урождённый Марк Александрович Ландау; *Алданов* — анаграмма, ставшая затем из псевдонима настоящей фамилией; 1886–1957) — русский прозаик, публицист, автор очерков на исторические темы, философ и химик. После вступления в Партию народных социалистов в 1919 был командирован этой партией за границу, с тех пор в Россию больше не возвращался. Жил сначала в Париже, затем в Берлине (с 1922 по 1924 гг.), потом снова вернулся в Париж. После падения Парижа в 1940 переехал в США. Был тринадцать раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

** Завершена в Париже в ноябре 1919 г.

Россия дала миру великих гениев, глубоких мыслителей. Но ни один из них не воздействовал так на западный мир, как этот фанатик, может быть, даже не обладавший большим умом. И чтобы этот потрясающий воображение факт стал явью, потребовалось два бедствия мирового масштаба: война и революция. Они-то и выдвинули на авансцену истории разрушителей: Людендорфов и Лениных.

С другой стороны, я желал бы, чтобы эта книга стала опытом философского осмысления событий общественной жизни. И главная ее тема — коммунистическая революция. В поисках генезиса большевистской доктрины никак не обойтись без обращения к теориям Карла Маркса, Михаила Бакунина, Жоржа Сореля, которые сегодня, после пережитого в 1914–1919 годах, предстают в новом свете.

Считаю себя обязанным с самого начала предупредить читателя о главной концепции, которую развиваю в этой книге, дабы он взялся за ее чтение либо отложил ее в зависимости от характера и степени неколебимости своих политических воззрений.

Данный труд написан социалистом*, который еще к тому же контрреволюционер и антимиитарист: эти два слова употреблены здесь не в том фальшивом и искусственном значении, которое они имеют на митингах, где звучит жаргонная речь, но в их исконном и точном значении. Можно быть антимиитаристом, не желая при этом утопить национальный флаг в куче навоза. Можно быть контрреволюционером, не разделяя политические идеи Столыпина. Слова эти на самом деле означают следующее:

Нам не нужны ни войны, ни революции, ни сегодня, ни завтра. Мы видели их вблизи, с нас довольно. Оба эти явления стоят одно другого как с нравственной точки зрения, так и с точки зрения прогресса человечества. Да и похожи настолько, что можно принять

---

* Автор принадлежит к партии народных социалистов, во главе которой стоят господа Мякотин и Пешехонов, бывшие сотрудники Михайловского и Чайковского, главы правительства Архангельска. Эта партия, возможно единственная в России, следовала четко намеченной линии действий; ее главными характеристиками являлись: защита национальных интересов, лишенная какого-либо шовинистического духа и империалистических побуждений; верность союзническим отношениям; демократические свободы; Учредительное собрание; объединение всех сил, признающих суверенность всеобщего избирательного права; глубочайшие социальные реформы, осуществляемые легальным путем. Это та партия, которая выступила с инициативой переговоров, приведших к образованию Союза Возрождения России, состоящего из социал-революционеров, социал-лейбористов, социал-демократов и левых кадетов.

одно за другое. Мы считаем их худшими из бед, которые могут постигнуть свободные народы.

Ныне все европейские страны, за исключением России, имеют институты, позволяющие сражаться на идейном уровне, не строя баррикады и не расстреливая друг друга. И потому нашим желанием является, чтобы революция, которая опрокинет большевистскую тиранию, стала последней из революций. Ежели это лишь мечта, тем хуже.

В другой своей книге («Армагеддон»), написанной в 1914–1918 годах (на русском языке), я попытался показать, что мировая война означает страшный кризис, может быть, гибель определенных принципов, которыми вдохновлялись как сторонники, так и противники социального порядка старой цивилизации. Я был рад натолкнуться на аналогичную мысль в недавно опубликованной статье г-на Гульельмо Ферреро*. Прославленный историк проводит параллель между кризисом наших дней и кризисом III века, порожденным гражданскими войнами, последовавшими за смертью Александра Севера и приведшими к падению авторитета римского Сената. Античная цивилизация так и не оправилась после этого кризиса. Получится ли это у нас? Обладает ли наша цивилизация стержнем, который мог бы служить основой стабильного социального порядка? Такова задача. Ясно, что было бы бессмысленно искать подобных целей у людей, ответственных за катастрофу войны, как и у тех, кто хочет ввергнуть нас в пропасть всемирного большевизма.

Кошмар, начавшийся в 1914 году, не кончился. Вино открыто, следует его выпить. Что может быть вернее и печальнее этой пословицы... Да, нужно выпить вино, открытое кем-то другим. И выпить до конца.

Ноябрь 1919, Париж

<...>

Глава IV **Мировоззрение Ленина**

После провала первой русской революции русский марксизм переживал кризис. Многие социал-демократы, большевики и меньшевики, ощутили потребность в иной философской базе для своих взглядов, нежели та, которую обеспечивал им материализм, исповедуемый Энгельсом, Мерингом, Лафаргом и Плехановым.

---

* Guglielmo Ferrero. La ruine de la civilisation antique. Revue des Deux Mondes, 15 septembre 1919.

Из-под пера социал-демократов, таких как Луначарский, Базаров, Богданов, Юшкевич и другие, вышел ряд философских книг и статей.

«В эти годы началось литературное мародерство, невиданный литературный распад. Под флагом марксизма хотели протачить в рабочую среду гнилые идеи буржуазной философии»*.

Это явление вскоре привлекло к себе разгневанное внимание Ленина, усмотревшего в нем опасность. До тех пор он еще не писал на философские темы и вообще не предполагал, что для хорошего социал-демократа могли существовать философские проблемы, не решенные Марксом и Энгельсом. Бесстрашие дезертиров из материалистического лагеря привело его в бешенство. Надлежало образумить тех социал-демократов, которые подняли против диалектического материализма Маркса и Энгельса «бунт на коленях».

И вот Ленин заточил себя в Национальной библиотеке в Париже и принялся штудировать труды буржуазных философов.

Я слышал от одного из его друзей, что он изучил всю буржуазную философию за шесть недель. Однако если верить г-ну Зиновьеву, Ленин отдал этому два года жизни. Как бы там ни было, в 1908 году на свет появился толстенный том**, который его биограф квалифицирует как «серьезный труд по философии», утверждая, что эта книга «закладывала основы коммунизма***».

Сей труд и впрямь чрезвычайно любопытен, но, осмелюсь сказать, с психологической точки зрения.

Сама манера трактовать философские проблемы совершенно поразительна. Подход к трудам наиболее абстрактных из философов — самый что ни на есть большевистский: так легче внести сумятицу в ряды противника. Бедняги философы были бы весьма озадачены, узнав, зачем понадобились Ленину их доктрины.

Ленин цитирует довольно-таки безобидную статью г-на Бляя: «Метафизика в политической экономии» (*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*****) и сопровождает свою цитату следующей ремаркой: «Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квазиученое шутовство в костюме терминологии Авенариуса.

---

* Среди тех, кто хотел это сделать — Луначарский, ныне коллега Ленина и Зиновьева в Совете Народных Комиссаров. Отсюда скромное хотели. — Г. Зиновьев. Указ, соч., с. 41.

** В. Ильин (Ленин). Материализм эмпириокритицизм. Критические заметки о реакционной философии (на рус. яз.). М., 1909.

*** Г. Зиновьев. Указ, соч., с. 42.

**** Ежеквартальник по научной философии (нем.).

No wer den Feind will verstehn, muss im Feindes Lande gehn: кто желает знать врага, тот должен побывать во вражеской стране. А философский журнал Р. Авенариуса — настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на минуту законное отвращение к клоунам буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса»*.

Очевидно, что Ленин интересовался философией, как интересуются недругом. Он изучил, то бишь перелистал, кучу философских трудов, задавшись при этом той же целью, что и немецкие офицеры, изучающие русский язык.

Стиль, отличающий приведенную цитату, характерен для ленинской книги в целом. Наугад выхватываю еще ряд цитат.

«В философии — поцелуй Вильгельма Шуппе ничуть не лучше, чем в политике поцелуй Петра Струве или г. Меньшикова**»***. «Но Мах здесь так же приближается к марксизму, как Бисмарк приближается к рабочему движению, или епископ Евлогий**** к демократизму»*****. «Луначарский говорит^{6*}: „...дивная страница религиозной экономики. Скажу так, рискуя вызвать улыбку нерелигиозного читателя”. Каковы бы ни были ваши благие намерения, товарищ Луначарский, ваши заигрывания с религией вызывают не улыбку, а отвращение^{7*}. «И вот эдакие-то немецкие Меньшиковы, обскуранты ничуть не менее высокой пробы, чем Ренувье, живут в прочном конкубинате с эмпириокритиками»^{8*}. «Что автор такого рассуждения может быть крупным физиком, это допустимо. Но совершенно бесспорно, что брать его всерьез, как философа, могут только Ворошиловы — Юшкевичи... Ошибаетесь,

---

* В. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии, (на рус. яз.). М., 1909.

** Реакционный русский публицист, недавно расстрелянный большевиками.

*** В. Ильин. Указ, соч., с. 69.

**** Прелат, известный своими отсталыми взглядами.

***** В. Ильин. Указ, соч., с. 142.

^{6*} На стр. 400 Ленин констатирует, с ужасом, достойным г-на Омэ, что «товарищ Луначарский заговорил о религии». Какова бы ни была ценность находок г-на Луначарского в области «религиозной экономики», удивительно, что Ленин доверил портфель министра народного просвещения столь опасному клерикалу. Это было, по меньшей мере, столь же неосмотрительно, как и доверить министерство иностранных дел г-ну Троцкому, которого Ленин в 1915 году охарактеризовал как буржуазного оппортуниста.

^{7*} В. Ильин. Указ, соч., с. 195.

^{8*} Там же, с. 223.

г. Пуанкаре: ваши произведения доказывают, что есть люди, которые могут мыслить только бессмыслицу»*. «Ограничусь только изложением очень важной для моей темы статьи нашего известного философского черносотенца г. Лопатина <...>. *Истинно русский* идеалист г. Лопатин** относится к современным европейским идеалистам примерно так же, как „Союз русского народа” к западным реакционным партиям***. «Герман Коген <...> доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы — для ради внедрения в гимназистов духа идеализма, вытесняемого нашей материалистической эпохой <...>. Конечно, это — вздорное мечтание реакционера <...>. Но в высшей степени характерно <...> какими утонченными средствами пытаются представители образованной буржуазии искусственно сохранить или отыскать местечко для фидеизма, который порождается в низах народных масс невежеством, забитостью и нелепой дикостью капиталистических противоречий»****. «Русский физик, г. Хвольсон*****, отправился в Германию, чтобы издать там подлую *черносотенную* брошюрку против Геккеля...»6*.

Чувство, которое испытываешь, читая подобное в «философском труде», довольно сложно определить. В меня это вселяет прежде всего ужас при мысли о том, что этот человек, считающий себя апостолом будущего, а на самом деле обладающий психологией средневекового монаха, сегодня безраздельно властвует над сотнями миллионами людей.

Было бы ребячеством критиковать «философскую систему» Ленина. Впрочем, он не претендует ни на какую оригинальность в данной области и постоянно подчеркивает, что полностью разделяет учение диалектического материализма7*. Библия этого

---

* Там же, с. 309–310.

** Профессор Лопатин — столь же известный в России философ, как в Германии — г-да Шюппе, Шуберт-Золдерн, Мах, Коген. За черносотенцами, истинными русскими, «Союзом русского народа» во времена Николая II стояли организации и отдельные личности крайне левого толка.

*** В. Ильин. Указ, соч., с. 317.

**** Там же, с. 326–327.

***** Г-н Хвольсон, профессор физики в Петербургском университете, беседовал с Эрнестом Геккелем на философские темы, не имеющие никакого отношения к политике.

6* В. Ильин. Указ, соч., с. 370.

7* Нужно отдать должное Ленину: у него нет мании последнего крика, которая свирепствует в лагере его соратников и так им к лицу. «Большевики, — рассказал мне один русский, часто с ними общавшийся, — это люди, которые трижды в неделю приглашают маникюршу, но моются

учения — это даже не труды Маркса, а «Анти-Дюринг» Энгельса (Herrn Eugen Dührings Umwälzung in der Wissenschaft), для Ленина являющийся первым и последним словом человеческой мудрости. Это *ad majorem gloriam* большевизированной разновидности диалектического материализма. Им избалованы злодеяния таких философов, как Юм, Кант, Беркли, Авенариус, Ренувье, раскритикованы следующие физики: «немец Мах, француз Анри Пуанкаре, бельгиец Дюгейм*», а также предатели и дезертиры русского материализма.

Общий смысл рассуждений примерно таков:

Беркли, Юм, Кант, Мах, Пуанкаре и прочие, являясь прислужниками буржуазии, сочинили учения, лишенные общечеловеческого содержания и направленные лишь на дальнейшее поддержание рабского состояния рабочих. Ленин с воодушевлением цитирует одну тираду, с которой против этих философов выступил «ученик Энгельса, Лафарг» и которая его обессмертила:

«Рабочий, который ест колбасу и который получает 5 франков в день, знает очень хорошо, что хозяин его обкрадывает и что он питается свиным мясом; что хозяин — вор и что колбаса приятна на вкус и питательна для тела. — Ничего подобного, — говорит буржуазный софист, все равно, зовут ли его Пирроном, Юмом или Кантом, — мнение рабочего на этот счет есть его личное, т. е. субъективное мнение; он мог бы с таким же правом думать, что хозяин — его благодетель и что колбаса состоит из рубленой кожи, ибо он не может знать вещи в себе...**»***.

лишь один раз в месяц». Замечание это столь же верно в символическом значении, как и в буквальном: большевики едва умеют читать и писать, но уже кубисты в живописи, футуристы в литературе и почувствовали бы себя обесщеченными, если б их обозвали хоть в чем-либо старомодными.

* Из духа симметрии, должно быть, знаменитый физик из Бордо был превращен Лениным в бельгийца.

** У меня нет работы Лафарга, откуда позаимствована эта тирада; я слово перевозжу на французский русский перевод Ленина.

Цитата содержится в той самой книге «Материализм и эмпириокритицизм» и выглядит так: Рабочий, который ест колбасу и который получает 5 франков в день, знает очень хорошо, что хозяин его обкрадывает и что он питается свиным мясом; что хозяин — вор и что колбаса приятна на вкус и питательна для тела. — Ничего подобного, — говорит буржуазный софист, все равно, зовут ли его Пирроном, Юмом или Кантом, — мнение рабочего на этот счет есть его личное, т. е. субъективное, мнение; он мог бы с таким же правом думать, что хозяин — его благодетель и что колбаса состоит из рубленой кожи, ибо он не может знать вещи в себе... — Иван Штангенциркуль.

*** В. Ильин. Указ, соч., с. 212.

Впрочем, есть софисты и софисты. Ленин все же слегка снисходителен к Канту, который для него нечто промежуточное между идеалистами и материалистами. «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист»*. Кант нечто вроде буржуазного центра в духе кадетской партии (это сравнение, разумеется, принадлежит Ленину): «махисты критикуют Канта справа, а мы — слева»**. А вот Мах гораздо более зловерный софист. «Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как поцелуй*** христианина Иуды относился к Христу»****. Не щадит Ленин и своих товарищей по партии, стоит им хоть сколько-нибудь доброжелательно отнестись к фидеистским учениям*****: так, он делает последнее предупреждение г-ну Луначарскому: «Позорные вещи, до которых опустился Луначарский <...> будь это прямой и обычный, т. е. непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором, ибо не нашлось бы, наверное, ни одного марксиста, для которого подобные заявления не приравняли бы всецело Анатолия Луначарского к Петру Струве»^{6*} (разумеется, Ленин не мог упустить случая лягнуть Струве).

Это краткое изложение ленинской философии не было бы полным, если бы я не привел несколько перлов из другой философской книги, появившейся почти одновременно с книгой Ленина и написанной в том же духе одним из его товарищей по большевистской партии — г-ном Шулятиковым^{7*}. Его опус представляет еще больший интерес, чем книга самого Ленина; написан он в более спокойной и академической манере. Ленин ругается, исходит пеной, громит буржуазных философов. В книге же Шулятикова ни одного грубого слова: он спокойно и методично развенчивает великих мыслителей и с научной безмятежностью ставит

---

* Там же, с. 206.

** В. Ильин. Указ, соч., с. 207.

*** Поцелуй — одна из излюбленных речевых фигур ленинского красноречия.

**** Там же, с. 369.

***** «Фидеизм, — объясняет Ленин, — есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере» (цит. по: ПСС, т. 55, с. 259). Бедный большевистский философ даже не догадывался, что он самый что ни на есть настоящий фидеист.

^{6*} В. Ильин. Указ, соч., с. 366.

^{7*} В. Шулятиков. Оправдание капитализма в западно-европейской философии (от Декарта до Маха) (на рус. яз.) М., 1908.

их к стенке. Ленин сосредоточился прежде всего на современной философии, тогда как Шулятиков в своем экспозе поднимается до Декарта (и впрямь, чего церемониться с замшелым реакционером?). С другой стороны, Шулятиков, если это хоть в какой-то степени возможно, более последователен, чем Ленин, что повышает интерес к его патологическому труду. Но идеи и методы обоих примерно одинаковы.

«Предполагается, — начинает свой труд Шулятиков, — что философия — вещь очень невинная. <...> Пусть та или иная философская система сложилась в лоне буржуазии: из этого не следует, что надо <...> видеть в ней оружие, выкованное против рабочего класса». «Придерживаться изложенного взгляда значит впадать в наивную, прискорбнейшую ошибку. Философия не составляет счастливого искушения: на умозрительных “высотах” буржуазия остается верна себе. Она говорит не о чем ином, как о своих ближайших, классовых выгодах и стремлениях, но говорит очень своеобразным, трудно понимаемым языком. Все без остатка философские термины и формулы, с которыми она оперирует, все эти “понятия”, “идеи”, “воззрения”, “представления”, “чувства”, все эти “абсолюты”, “вещи в себе”, “ноумены”, “феномены”, “субстанции”, “модусы”, “атрибуты”, “субъекты”, “объекты”, все эти “духи”, “материальные элементы”, “силы”, “энергии” служат ей для обозначения общественных классов, групп, ячеек и их взаимоотношений»*. Подобно тому как офицеры службы разведки кладут годы, чтобы расшифровать условные сигналы противника, Шулятиков поставил перед собой цель разгадать шифры буржуазной философии и докопаться до секретов, которыми философы, оплаченные капиталистами, на протяжении веков обманывают пролетариат. И впрямь, из его книги мы узнаем о наиболее охраняемых тайнах буржуазной философии.

Пролетариат, к примеру, может узнать, что «мир, в системе Декарта, организован по типу мануфактурного предприятия»** и что «Декартово понятие о человеке, в свою очередь, воспроизводит организацию мануфактурной мастерской»***. А также, что понятие времени у этого философа было последствием нововведения: «Описывая устроенное в XVI в. типографское предприятие Кюбергеров, некто Нейдерфер считает нужным подчеркнуть следующую подробность: “В известный час они (подмастерья) должны приходить на работу и уходить с работы; ни одного из них не пускали без дру-

---

* В. Шулятиков. Указ, соч., с. 6.

** Там же, с. 27.

*** Там же, с. 30.

гих в дом... но они должны были поджидать один другого перед воротами дома”. Это — сенсационное нововведение...»*. Со Спинозой дела обстоят еще хуже: «Спинозовское миропонимание — песнь торжествующего капитала, — капитала, все поглощающего, все централизующего»**. «Величественная, очаровывающая система! Такова почти всеобщая оценка спинозовского миропонимания. Наиболее далекий от всяких “мирских помыслов” человек, идеальнейший тип мыслителя, исключительно преданного чистому умозрению — такова всеобщая оценка личности Спинозы. Но... когда Спиноза умер, то, как известно, погребальную колесницу, везшую его останки, с большой помпой провожал *fine fleur**** — голландской буржуазии. А если мы познакомимся поближе с кругом его знакомых и корреспондентов, то опять встретимся с *fine fleur*’ом — и не только голландской, но и всемирной — буржуазии. Объяснить внимание, которым последняя, в лице своих передовых представителей, удостаивала отшельника-философа, простым очарованием его системы, глубиной и последовательностью его мышления не приходится. Буржуазия чтит в Спинозе своего барда»****. После этого читатель не удивится, узнав, что «бог Лейбница — собственность образцово поставленного предприятия» и что «философия Лейбница — апофеоз организационного строительства мануфактуристов»*****. Но самые заметные представители «мануфактуристской мысли» — Юм и особенно Кант. «Капитал статичен. Но поскольку эластичность немецкого мануфактурного капитала в XVIII столетии не велика <...> идеолог немецкой буржуазии находит возможным защищать статическое представление о душе»^{6*}. Шулятиков также разоблачил тайное значение силлогизмов Фихте: «Это — славословие в честь всеспасающей специализации. Дифференцируйте профессии и функции...»^{7*}. Он также не скрывает от нас, что вся современная философия служит делу оправдания современного капитализма.

«Учение Авенариуса о принципиальной координации, учение Эрнста Маха об отношении психического к физическому, учение Вундта о представлениях — объектах — все это учения одного порядка, все это примеры разрешения одной и той же проблемы,

---

* Там же, с. 42.

** Там же, с. 42.

*** Весь цвет (*фр.*).

**** Там же, с. 42.

***** Там же, с. 45.

^{6*} Там же, с. 79.

^{7*} Там же, с. 92.

поставленной перед идеологами авангарда капиталистической буржуазии, примеры попыток передать с помощью философских символов отношение означенной буржуазии к факту роста и, вместе с тем, “поражения кадров исполнителей — организаторов”*.

Возможно, читатель, ознакомившись с этой тарабарщиной, проведет несколько веселых минуток. Однако не стоит забывать, что мы имеем дело с одной из разновидностей мании преследования, которая при определенных политических условиях далеко не безопасна. Пока обвинения выдвигаются против Спинозы и Лейбница, ничего серьезного. Но вспомним, что Россией ныне управляют Шулятиковы, что Ленин — тот же Шулятиков и что ЧК вместе со всякого рода обычными бандитами насчитывает в своих рядах и энное число Шулятиковых. Не будет преувеличением сказать, что миллионы русских были расстреляны большевиками по обвинению в контрреволюционной конспирации, столь же доказанному, как и тайный союз между Спинозой и международной буржуазией или «мануфактурный» характер философии Лейбница и Канта.

Вернемся к Ленину. Не делая его крайним за все «философские» постулаты Шулятикова, мы усматриваем присущий обоим авторам один тип мышления и убеждены, что приход к власти на высочайшем уровне человека, который написал подобную книгу, чреват огромной опасностью для нашей тридцативековой цивилизации. Ибо какова, в сущности, разница между ним и Халифом Омаром, который якобы сжег Александрийскую библиотеку? «Ежели эти книги содержат то, что есть в Коране, они бесполезны. Ежели в них есть то, чего там нет, они вредны». Замените слово Коран словом Анти-Дюринг, и вы получите точный образ мысли Ленина. Да, впрочем, он и сам сказал: «Книга губит социальную революцию», в чем он абсолютно прав. Если б он пожелал сегодня быть до конца последовательным, если бы его действия не встречали противодействия со стороны более образованного Луначарского и кое-кого другого, какие еще опыты ставились бы над несчастной Россией? В Советской республике можно было бы в крайнем случае оставить в покое естественные науки, ведь этот Иуда-Мах не сумел бы приспособить их для своих реакционных умозаключений. А вот строгие науки нельзя не заподозрить в идеализме, и потому они представляют определенную опасность. Философия, гуманитарные науки не могли не попасть под запрет, поскольку Юмы и Канта спят и видят, как обмануть рабочего человека и доставить удовольствие хозяину, который

---

* Там же, с. 114.

оплачивает их писания. Что до Авенариусов, Шуберт-Золдернов и прочих Меньшиковых, с ними все просто: их место в тюрьме, если только не у стенки, как поступили с *подлинным* Меньшиковым. Делом «труса» Хвольсона и черносотенного Лопатина вообще должна заниматься Чрезвычайка, борющаяся с контрреволюцией, спекуляцией и философией. Ей надлежит наблюдать за тем, чтобы преподаватели не использовали ничего иного, кроме изложенного в «Анти-Дюринге». Что до искусства, то оно по самой своей сущности полностью фидеистично, а посему как таковое подлежит бесжалостному изгнанию.

Пусть не говорят, что это преувеличение идей Ленина. К какому иному выводу мог бы прийти, оставаясь последовательным, тот, кто знаком со всей правдой, высшей правдой, и кто объявляет безумным, реакционным и трусливым все, что с ней не согласуется? Шекспировская фантазия Эрнеста Ренана предвидела этот страшный призрак дикаря, угрожающего цивилизации, этакого Калибана, опьяненного мстостью ко всему, что выше его понимания. Большевизм — осуществление наяву этого мрачного видения. Калибализм в философии, калибализм в политике — вот что принес в мир Ленин.

Глава V

О предсказаниях вообще и о ленинских предсказаниях в частности

Знаю, что коснусь в этой главе легенды, которая кажется всем ненарушимой: в мозгу большинства людей, часто даже тех, кто далек от того, чтобы быть почитателем этой личности, Ленин пребывает *человеком, который все предвидел*.

Не так давно «Юманите» опубликовала следующую заметку, которая свидетельствует о некоем добровольном помрачении в среде тех, кто культивирует в Париже московских героев.

«Уже более года, — пишет “Юманите”, — в те времена, когда виконт Грей публиковал свои брошюры о Лиге Наций, народный комиссар Ленин разоблачил его и назвал инструментом англосаксонской плутократии. Гений Ленин прозревает столь удаленные взаимосвязи и выделяет их столь черным цветом, что его предположения, в силу своей неожиданности, наталкиваются сперва на наше недоверие. По мере того как, с одной стороны, развиваются события, а с другой, мы привыкаем к стилю и способу мышления этого великого ума, мы вправе предположить, что мощь философской изобретательности, из числа самых плодотворных и развитых, соединяется в нем с прозорливостью, которая сама по себе

уже поставила бы его в ряды самых выдающихся государственных деятелей нашего времени. Статья из “Таймс”, которую мы вам предлагаем, служит полным подтверждением ленинских прозрений».

Это поразительное вступительное слово сопровождается статьей из «Таймс», в которой говорится, что России следует выбирать: «войти ли в семью наций или же попасть в вассальную зависимость от Германии». никоим образом не касаясь этого вопроса, можно лишь удивляться тому, что разоблачение «буржуазной» основы идей виконта Грея, которое во время войны было общим местом всей социалистической прессы Германии, рассматривается в качестве доказательства гения Ленина, его великого ума и мощи, философской изобретательности (?) и прозорливости. И все остальные хвалебные отзывы, расточаемые в адрес гения политического предвидения большевистского лидера, — примерно в том же духе.

Когда просишь у ленинских почитателей четко назвать его предвидения, они обычно отвечают, что главный большевик предвидел: война окончится революцией.

Не оспаривая этого, я, пожалуй, соглашусь, что он, действительно сделал данное предсказание. Не оспариваю я и того, что он обладает даром некоей проницательности, отнюдь не безграничной. Думаю, он дал и более блестящие доказательства оной, в частности в том, что касается большевистского движения.

А если разобраться по сути: что означало заявить, что война в Европе приведет к революции и ружья пролетариев всех стран обернутся в другую сторону, не в ту, куда направляли их провокаторы империалистической буржуазии?

Это просто-напросто означало повторить общее место революционной доктрины, которая до войны распространялась с помощью пропагандистских брошюр и митингов, стоило затронуть вопрос политики капиталистических стран, либо вопрос колониальных предприятий, либо вопрос вооружений, либо разоружений, либо буржуазного шовинизма, либо пролетарского братства и солидарности. Это-то общее место Ленин и припомнил в тот момент, когда разразилась мировая бойня, и вот это-то не бог весть какое извлечение из памяти общего места (пусть и подоспевшее ко времени) ныне и навеки заслужило ему титул мужа zelo прозорливого. Следует признать, что он разделяет этот титул с г-ном Зиновьевым*;

---

* Статьи обоих этих авторов, появившиеся в печати в Швейцарии во время войны, были собраны в Петрограде в 1918 г. в один большой том, названный «Против течения»; имя Зиновьева стоит на нем перед именем Ленина.

и тем не менее всякому ясно: нельзя быть более ограниченным, чем досточтимое alter ego Ленина.

Предсказания, относящиеся к великой трагедии, начавшейся 1 августа 1914 года, можно подразделить на три категории:

1. Большая часть свидетелей этой драмы, состоящая из людей, принадлежащих к различным партиям и интеллектуальным течениям, считала, что эта война пойдет тем же чередом, что и все прочие: будут сражения, победы, поражения, победители и побежденные, тайные и нетайные переговоры, настанет час перемирия, за которым последует мирный договор, и мало-помалу жизнь вновь наладится и войдет в довоенную колею. Мнения, разумеется, очень сильно разделились по вопросу: которая из двух коалиций одержит в войне верх; все считали также, что война будет гораздо короче, чем это произошло на самом деле. Однако дело не в этом.

В этой категории имелись (как в просоюзническом, так и в прогерманском лагере) большинство и меньшинство. Большинство искренне верило в победу и мир, построенный на законности; четырнадцать пунктов еще не были сформулированы, но политические устремления, — чьим из рук вон плохо сформулированным выражением явилась программа президента Вильсона, — имелись в каждом из лагерей. Не было согласия по вопросу: кто представляет право и добрые старые принципы, однако подразумевалось, что победа останется в русле права и добрых старых принципов. А меньшинство, «те, кто не желал быть обманутыми», придавали гораздо меньше значения праву и добрым старым принципам и считали, часто не стремясь заявить об этом во всеуслышанье, что победа явится триумфом силы и что эта война не только будет подобна всем другим войнам, но и мир, которым она окончится, будет подобен всем другим мирам, то бишь станет триумфом национального эгоизма победителя, и что благородная наивность людей, попусту ломающих себе голову и ищущих справедливость там, где она никак не может быть, в очередной раз будет обманута.

Как известно, нельзя быть умнее Вольтера, разве что скопом; и на этот раз весь свет отнюдь не ошибся. Мы и впрямь наблюдали победы и поражения, переговоры и перемирие, и наконец, наступил черед Версальского договора, а он в чем-то схож с Брест-Литовским миром, который, в свой черед, весьма напоминает как Франкфуртский, так и тот, что был заключен в Кампо-Формио. Парижская конференция с загадочными совещаниями четверок и десятков не слишком отличается от других мероприятий подобного типа; примерно то же, что Венский Конгресс, разве что без балов-маскарадов.

И все же, если взглянуть на это пошире, большинство и меньшинство были не правы. Они недооценили масштаба большой

войны. Они недооценили реальности явлений, называемых большевизмом, гражданской войной, террором. Каким бы ни быть выходу из этих вселенских судорог, наблюдаемых повсюду, Европа не сможет и дальше жить, как прежде: эта война решительным образом отличалась от других.

2. Для прочих наблюдателей вопрос мировой войны представлял в ином аспекте. Они верили в мир, заключенный на основе права, как и в то, что эта война подобна другим. Они думали, что она породит революции столь же дикие и кровавые, как и она сама. Но ничуть не веря в судьбоносную роль пролетариата, ожидали от окончания войны лишь возрастания всеобщей дикости. Они а priori не могли предположить, что катастрофа, подобная войне, может иметь благие последствия, что она приведет к вечному миру и братству народов, либо к росту материального благополучия, полученного за счет смены экономического строя революционным путем. Для них идеалистически настроенные мыслители, предполагавшие, что всеобщее братство должно выйти из самой кровавой бойни, какую знало человечество, были столь же недалекими простофилями, как и реалисты империалистической политики, предвкушавшие после победы обогащение своей страны. Ожидать того, чтобы братская гармония людей появилась после нескольких лет варварства и дикости, не было ни более ни менее наивно, чем тратить несколько сотен миллиардов, дабы заполучить в собственность железную дорогу Берлин — Багдад.

Люди, относящиеся к этой категории, думается, ошиблись меньше других. Да будет позволено нам подобное заявление, хотя мы сами принадлежим именно к ней*[99].

Да, они были правы, утверждая, что ничего хорошего не может получиться из этой катастрофы и что, если эта война приведет к решительной победе одной партии, победитель навязет побежденному свою твердую волю, не слишком заботясь о справедливости и этнографических границах. Да, они правы, утверждая, что дикость, присущая зверю по имени «человек», правящая в 1914 году бал, неизбежно наложит страшную печать на конвульсивные судороги, которые зиммервальдцы окрестили «освободительными революциями». Да, они были правы, указывая в разгар военных побед немцев в 1918 году, — когда армия Гинденбурга была в Шато-Тьерри и, казалось, германский империализм торжествует, — на невероятную хрупкость как этого триумфа, так и результатов политической

---

* Я развил эти мысли в статье «Дракон», написанной в начале войны, и в своей книге «Армагеддон» (1918), в которую эта статья вошла составной частью.

деятельности Бисмарка. Да, они были правы, веря вместе с Лениным и вразрез с мнением большинства в реальную возможность революции в странах, которые больше других пострадают от войны. И в ближайшем будущем станет ясно, что более всего они были правы, когда вразрез, на сей раз уже с Лениным, утверждали, что коммунистический режим не сможет возникнуть в разрушенной и опустошенной Европе, и провозглашенная им пресловутая социальная революция, — «последняя из революций», — столь же абсурдна, как и «последняя из войн», но более дика и ужасна.

Одним словом, что уж кичиться этими предсказаниями, учитывая их абстрактную очевидность и общий характер: мы считаем исторический прогноз, в подлинном смысле этого слова, невозможным, делая исключение лишь для отдельных случаев. Пока философы не отыщут другого смысла в «Его Величестве Случае», мы признаем за ним очень большую роль в управлении людскими делами. И по этой причине, когда нам говорят о человеке, который «с первого дня войны все предугадал», мы а priori уверены, что это не более, чем легенда.

3. Ленин и его немногочисленные соратники в 1914 году представляли третью категорию интеллектуалов. Они считали, что мировая бойня приведет к мировой революции, которая опрокинет капиталистический режим и обозначит наступление коммунистической эры.

Вот как с самого начала войны Ленин определил свою общую точку зрения на линию поведения, которой следует придерживаться: «Война — не случайность, не “грех”, как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по „народному” течению шовинизма, а то, что и в военное время, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, вздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войске есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сентиментальные и глупенькие вздыхания о “мире во что бы то ни стало”! Поднимем знамя гражданской войны!..

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом... III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства; для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!»*

Что до *непосредственных* причин катастрофы, Ленин, кажется, верил, по-прежнему клеймя международный капитализм, что война стала для Германии, которой угрожали со всех сторон, *превентивной* войной.

«Мы знаем, что *десятилетиями* трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели получить заказанные или новые ножи?»**

Следовательно, социалистическая обязанность состоит в том, чтобы напасть сразу на обе коалиции разбойников. Именно эта общая идея продиктовала Ленину линию поведения — занять крайне левую позицию в Циммервальде и Киентале, где его влияние было господствующим. Он так и не отошел от нее. Практически такое поведение было на руку Германии, поскольку дезорганизаторская деятельность Ленина нигде, кроме России, не достигла того уровня совершенства, к которому он стремился.

Впрочем, повторяю, теория Ленина являлась общим местом всех довоенных революционных брошюр. И не нужно — здесь мы имеем в виду ту легенду о нем, о которой речь шла выше — совсем не нужно искать прогнозы, хотя бы и смутные, в статьях Ленина, относящихся к той поре. Там он пишет в императиве; он не предвидел и даже не постарался предвидеть политические события, желая мировой революции. Он даже не был уверен в том, что пролетариат последует за ним:

«Мы не можем — и никто не может — подсчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что “защитники отечества” в империалистической войне *представляют* лишь меньшинство»***.

Так что это чистой воды легенда, будто бы Ленин с первого дня войны предвидел ход событий. Он не смог даже предвидеть,

---

* Н. Ленин. Социал-демократ, № 39, 11 ноября 1914. — Цит. по: «Положение и задачи Социалистического Интернационала», ПСС, т. 26, с. 41–42.

** В. И. Ленин. Русские Зюдекумы (на рус. яз.). Социал-демократ, 1 февраля 1915. — Цит. по: ПСС, т. 26, с. 119–125.

*** Н. Ленин. О лозунге «разоружение». Социал-демократ, № 2, 1916, с. 253.

как поведут себя западные социалисты по отношению к военной катастрофе. Г-н Зиновьев рассказывает, что в начале войны у него была по этому поводу дискуссия с Лениным. Тот думал, что немецкие социалисты станут голосовать против военных кредитов, тогда как сам Зиновьев полагал, что они воздержатся от голосования. На самом же деле они проголосовали за кредиты. А ведь если Ленин так плохо изучил сущность Второго Интернационала, он возможно ошибался и относительно прочности Третьего. В том множестве вышедших в 1914–1917 годах из-под его пера работ, — сперва в Швейцарии, потом в России, — политических предсказаний немного. Большинство не оправдалось, как, к примеру, его знаменитый постулат, что война окончится братанием солдат на фронте. Русская армия прекратила свое существование в 1917 году; болгарскую, австрийскую, турецкую, немецкую армии постигла та же участь годом позже, но братания врагов не было. Победенные солдаты бежали под натиском солдат-победителей.

Мы вовсе не упрекаем Ленина в том, что он не сделал лучших прогнозов. Но поскольку существует мнение, будто он «все предугадал», мы считали своим долгом все расставить по своим местам. Да, впрочем, повторяю, вовсе не в предсказаниях проявился политический талант Ленина, а в его манере эксплуатировать в интересах своих собственных идей огромные запасы ненависти, которые накопили капиталистический строй и война.

Глава VI Личность Ленина*

Это человек, соединивший идеи, представляющиеся ему идеями будущего, со средневековым мышлением.

Отбросим для начала клевету, как мы отбросили легенды. В Ленине видели, хотели видеть агента, находящегося на содержании Германии. Это ложное утверждение. Ленин совершил в интересах Германии (заключив Брест-Литовский мир) больше, чем все ее агенты вместе взятые. Но агентом ее тем не менее не был и никогда не служил ей (чего, заметим в скобках, нельзя сказать обо всех его сотрудниках и подчиненных).

Он не брал немецких денег себе. Для меня это очевидно как божий день. Да и зачем ему было это делать? Этот человек всегда вел бедное существование; знавшие его издавна люди не замечали за ним ни каких-либо пристрастий, ни вкуса к роскоши. Сегодня,

---

* Некоторые выдержки из этой главы вошли в мою статью, опубликованную в «Мире народов».

когда большевики располагают миллиардами и по поводу его соратников ходят самые скандальные и зачастую верные слухи, грязная хроника шадит его. В погоне за постами и обогащением, увлекшей других, он остается «большевиком, не нажившим состояния». В этом смысле о нем говорят с восхищением.

Брал ли он плату с немцев за свою пропаганду?

Должен сказать, в 1917 году социалисты, знавшие его на протяжении долгих лет, прежде водившие с ним дружбу (я мог бы назвать очень известные имена), не скрывали, что они рассматривали такую возможность, и притом как весьма вероятную. Один из них публично заявил об этом. «Ради дела Ленин мог бы стащить портмоне», «нет ничего, перед чем Ленин остановился бы, если бы считал это необходимым для дела» — таково было почти единодушное мнение лиц, признающих его личное бескорыстие.

Возможно, однажды история даст ответ на этот вопрос. А пока непредвзятость заставляет нас указать на два обстоятельства, как будто подтверждающие наше предположение.

Все немецкие архивы, все счета секретных сумм*, израсходованных во время войны за границей то ли военными властями, то ли гражданскими, — в распоряжении нынешних правителей Германии, у которых есть веские основания не любить большевиков. И потому, если бы эти архивы содержали документы либо какие-либо сведения, способные скомпрометировать Ленина, неужто Шейдеман, Бауэр, Давид, Мюллер не воспользовались бы ими и не пустили в ход против такого опасного противника**?

С другой стороны, генерал Людендорф, в своем качестве диктатора, конечно же, не мог не быть в курсе, а он ничего не пишет в своих мемуарах о золоте, которое Ленин якобы получил от Германии. Он даже считает ошибкой гражданских властей то вольное передвижение, которое было позволено ими большевистскому лидеру в марте 1917 года***.

На это можно бы возразить, что Шейдеман и Бауэр, так же, как и Людендорф, слишком с большим почтением относятся к государ-

---

* Для тех, кто знаком с Германией, существование образцовой бухгалтерской отчетности о самых; секретных расходах не может подвергаться сомнению.

** Само собой, что в намерения немецкого правительства не могло входить скомпрометировать какого-то Ганецкого или любого другого бедолагурского большевика. Было бы бессмысленным, очевидным промахом — устанавливать продажность второстепенных большевистских агентов.

*** Это утверждение генерала Людендорфа справедливо в том, что огромная услуга, оказанная Лениным Германии, не спасла ее от падения и капитуляции, для нее же было бы лучше не заводить так далеко дела в России.

ственному секрету подобной важности, чтобы вот так легко взять да и выдать его. Поскольку не совсем доказано, что эта война последняя, Германии еще в будущем может пригодиться помощь всякого рода секретных агентов. И в подобных условиях с ее стороны было бы неосторожно по каким-либо причинам обнародовать имена тех, кто однажды оказал ей услугу. Правду сказать, насколько я знаю, со стороны правительства демократической Германии не было сделано никакого заявления о тех, кто в разных странах находился на содержании империалистической Германии, оказывая ей услуги*.

Какой бы неоспоримой ни была роль немцев в развитии большевизма в России**, утверждать, что Ленин получал деньги от правительства Вильгельма II, все же нельзя.

Зато с полной убежденностью можно утверждать, что во всех своих действиях, как до, так и после революции, он явил доказательство своей абсолютной политической аморальности.

Для него не существует ничего, кроме идеи, которой он одержим. Никаких моральных правил, кроме выгоды для дела большевизма. Со злонамеренностью, явленной им столь часто в оппозиционных боях, может сравниться лишь бесстыдство его действий на высшем государственном посту. Тот, кто обвинил Керенского в применении на фронте смертной казни, сам несколькими месяцами позже приказал или позволил расстрелять без всякой причины десятки тысяч человек. Спекулирующие на вековом народном невежестве, его обвинения всегда были почти столь же глупы***, сколь и полны желчи. В качестве примера приведу факт

---

* По чистой случайности телеграмма г-на фон Ягова, служащая основанием для обвинений против г-на Жюде, попала в руки союзнических властей. Однако и в этом случае в интересах немцев было доставить неприятности французским националистам, своим извечным врагам.

** Г-н Троцкий, любитель пошутить с бесстрастным видом, пишет следующее по поводу состояния русского фронта перед большевистской революцией («Пришествие большевизма», с. 63): «Среди солдат циркулировали летучие листки, составленные ими самими, в которых их приглашали не оставаться в траншеях дольше, чем выпадет первый снег». Видите — самими ими составленные, а немцы и большевики здесь ни при чем.

*** По глупости клеветы у него есть конкурент в лице Троцкого. И вот пример. Русские солдаты в 1916 г. в Марселе убили одного из своих офицеров — полковника Краузе. Кажется, у этих солдат был найден дневник, который Троцкий тогда публиковал в Париже («Наше слово»), что послужило одной из причин высылки из Франции этого большевика. А ведь г-н Троцкий сделал на этот счет сенсационное заявление: «Русское правительство организовало руками своего провокатора небольшое убийство во Франции, дабы придать веса своим аргументам» (Двадцать писем Льва Троцкого, Париж, 1919, с. 20). Царское правительство, убивающее одного из своих

выдвижения против конституционнорепубликанской партии (кадетов) обвинения в организации пьяных погромов в Петрограде. Нужно знать партию господ Милюкова, Набокова, Винавера — юристов и профессоров, — чтобы оценить вкус этого обвинения. А сам лидер партии был им осужден в одной из речей за глубокое и безнадежное невежество. В сильной личности г-на Милюкова и правда немало недостатков, но такое, я думаю, вменяется ему в вину впервые. Ленин, впрочем, некогда признался, что рассматривает клевету как дозволенный инструмент в борьбе с политическими противниками.

Этот клеветник к тому же ныне и деспот. И был им всегда: сегодня он правит самодержавно народом в сто миллионов человек точно так же, как правил когда-то кучкой русских эмигрантов. Его собственные коллеги и друзья часто обвиняли его в деспотизме. В одной из своих давних статей он иронически перечисляет эпитеты, которыми его наградили товарищи по партии: самодержец, бюрократ, формалист, централист, односторонний, упрямый, узкий, подозрительный, малообщительный*.

Мы не откажем себе в удовольствии привести здесь суждение о нем человека, которого трудно заподозрить в антибольшевизме, ибо это г-н Троцкий собственной персоной. Известно, что «блестящий второй» из Совета Народных Комиссаров терпеть не может первого, хоть и расточает порой в его адрес непомерную хвалу. Эта недоброжелательность возникла не вчера, правда, она могла обостриться в последнее время из зависти обычного честолюбца, каковым является г-н Троцкий.

Перед моими глазами брошюра**, которую последний посвятил Второму съезду социал-демократической партии, а по сути Ленину. Вот некоторые извлечения из нее: «Нам был предъявлен к уплате чисто ростовщический счет за долги недавнего прошлого, — и история, с безжалостностью шекспировского Шейлока, требовала мяса из живого партийного организма. Проклятье! Мы должны были расплачиваться...***»

Мы говорим о взысканиях безличной истории. Конечно, мы не думаем отрицать при этом личную ответственность тов. Ле-

---

полковников, дабы дать аргументы в пользу высылки Троцкого в Испанию, — находка, свидетельствующая о мании величия ее автора.

* Ленин. Шаг вперед, два шага назад, (на рус. яз.). Женева, 1904, с. 137.

** Н. Троцкий. Второй съезд Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Отчет Сибирской делегации. Женева, 1903.

*** Г-н Троцкий писал прежде так же, как говорит сегодня. Публика не в силах устоять перед красноречием этого Мирабо аптекарей.

нина. На втором съезде Российской социал-демократии этот человек, со свойственными ему энергией и талантом, сыграл роль партийного дезорганизатора... „Осадное положение”, на котором с такой энергией настаивал тов. Ленин, требует „твердой власти”». Практика организованного недоверия требует железной руки. Система террора* увеличивается Робеспьером. Тов. Ленин делал мысленную переключку партийному персоналу и приходил к выводу, что железная рука — это он сам — и только он. И он был прав. Гегемония социал-демократии в освободительной борьбе означала, по логике осадного положения, гегемонию Ленина над социал-демократией**.

Демонстрируя перед съездом назначение Ц. К-та, тов. Ленин показал... кулак (мы говорим без метафор), как „политический” символ Ц. К. Не помним, занесена ли эта централистическая мимика в протокол заседания. Очень жаль, если нет. Этот кулак по праву венчает здание***.

...тов. Ленин превратил скромный Совет во всемогущий Комитет Общественного Спасения, дабы взять в нем на себя роль „неподкупного Робеспьера”»****.

Известно, что и Ленин, в свою очередь, не принадлежит к числу сторонников Троцкого. Не говоря уж об издевательских комплиментах, которыми он осыпал его прежде, до и во время войны, в 1918 году, во время заключения Брест-Литовского мира, он написал одну из самых мрачных статей (подписав ее псевдонимом Карпов) о культе «революционной фразы», культе, проповедником которого всегда был Троцкий.

Деспотизм Ленина и его глубокая аморальность в политике, принимавшая порой явно рокамбольный***** характер, отдалили от него мало-помалу всех независимых представителей социал-демократической партии России. Влюбленная дружба^{6*} связывала

* Все эти определения относились к внутреннему устройству социал-демократической партии; они были исполнены, так сказать, иронии и символического значения. Предполагал ли тогда Троцкий, что настанет час, когда террор станет означать для него и для Ленина нечто совсем иное, чем просто символ?

** Н. Троцкий. Указ, соч., с. 20.

*** Там же, с. 28.

**** Там же, с. 29.

***** Можно было бы привести в качестве примера поистине чудесную историю с одним наследством, оказавшимся в распоряжении большевиков, то есть Ленина. Я подчеркиваю: речь не идет о личной непорядочности: распоряжаясь фондами партии, Ленин всегда жил бедно.

^{6*} «Ленин был влюблен в Плеханова», — пишет г-н Зиновьев.

его некогда с Плехановым, ставшим позднее его смертельным врагом. Аксельрод, Потресов, Алексинский, Мартов — все были поначалу с ним. Но лишь покорные посредственности, льстецы, подобные Зиновьеву, смогли в течение продолжительного времени пользоваться его благосклонностью. И даже теперь он обращается, как с прислугой, с большинством своих именитых сотрудников. Социал-революционная газета «Дело народа» опубликовала в 1919 году любопытное письмо, полное укоризны, обращенное к Зиновьеву, председателю Петросовета, виновного в том, что в святилище большевиков — Смольный институт был допущен «буржуазный» репортер; в этом письме Ленин обращается с высокопоставленным чиновником так, как Петр Первый обращался со своими придворными.

А вот людей самого худшего разбора в своем окружении он терпел. Ныне его сопровождают преступники всех родов, и прежде всего воры. И, кажется, он — неподкупный — неплохо себя чувствует среди этого подлого сброда. С этой точки зрения чрезвычайно любопытно взглянуть на его отношения с Малиновским. Если верить г-ну Бурцеву*, Малиновский якобы признался Ленину в преступлениях уголовного характера, совершенных в прошлом, и даже заявил, что не вправе оставаться членом Думы, будучи столь скомпрометированным прошлыми грехами. Ленин якобы прервал его, не желая слушать, и сказал, что «для большевиков подобные вещи не могут иметь никакого значения». Похоже на то: один из самых знаменитых большевиков, г-н Радек, исключенный из немецкой социал-демократической партии (до войны), начал свою политическую карьеру с кражи ручных часов. А вот в то, что Ленин то ли узнал, то ли догадался о провокаторской роли Малиновского, мы верить отказываемся. Однако об этом свидетельствует сам Малиновский**.

Подобная слабость большевистского лидера к каналье с авантюристической жилкой, впрочем, легко объяснима. Великая сила Ленина, превратившая его в настоящего пророка нашего падения в революционную пропасть, как раз в том и состоит, что он обращается к худшим инстинктам человеческой природы. Самый большой мизантроп не смог бы руководить революцией так, как этот старый большевик. Во имя дела разрушения, коему и служит

---

* W. Bourtzev. Lenin and Malinovsky. Struggling Russia, N 9–10, may, 1919, p. 139.

** «Согласно Малиновскому, Ленин пытался и не мог понять того, что его (Малиновского) скрытое прошлое не просто полно преступных деяний, но что он находился в руках жандармов и провокаторов» (W. Bourtzev).

большевистский строй, он с большим мастерством смог поставить себе на службу мощный социальный фактор — ненависть. Он воспользовался всеми видами ненависти, накопившейся в народе благодаря несправедливости и увеличившейся в годы войны: ненавистью рабочего к капиталисту, мелкого чиновника — к хозяину, крестьянина — к помещику, пролетария-латыша — к богачу, китайского кули к стране, где с ним плохо обращались, угнетенного еврея — к угнетателям, как и самым страшным видом ненависти: солдата и матроса — к офицеру и военной дисциплине. Ненависть, вся ненависть, ничего кроме ненависти — таков архимедов рычаг, благодаря которому Ленин с поразительной скоростью взлетел на вершины власти. Но ничего прочного не может быть создано единственно на одном этом фундаменте. Рано или поздно Ленин сам станет жертвой монстра, сделавшего его хозяином России.

Однако было бы несправедливо не отметить и тех замечательных качеств, которыми обладает этот человек.

Говорят, политика делается пером и языком. Ленин является публицистом и оратором. Однако не поднимается в этом выше среднего. Его брошюры плохо, небрежно написаны. Сожалею, что не могу дать примеров заурядности его стиля, поскольку пишу по-французски. Самые избитые обороты, самые вульгарные выражения, самые заурядные эпитеты, невероятная грубость по отношению к противнику*, отсутствие образов — вот характерные приметы стиля его произведений, скучных и читаемых с большим трудом, несмотря на психологический интерес, который вызывает его сектантская логика. Он мало образован вне рамок политэкономии. Русская культура, как и европейская, остались ему чужды. Он видит в них проявление капиталистического духа, который ненавидит со всей силой своей горячей и ограниченной души. Максим Ковалевский сказал бы о нем, что из него мог выйти неплохой преподаватель. Возможно, он и стал бы преподавателем политэкономии, если бы не презирал всякую мысль, отличающуюся от его собственной.

Для его речи характерен яростный задор, он не пользуется красивыми звучными фразами, остроумными шутками, не прибегает к актерству. Троцкий и кое-кто еще из большевистской головки, безусловно, большие ораторы, чем он. Однако один рабочий из большевиков говорил мне, что предпочитает простую

---

* Я попытался подсчитать, сколько раз меньшевики и социал-революционеры (многие из которых долгие годы провели на каторге), были названы «лакеями буржуазии» в его недавних статьях. Однако не хватает времени, чтобы закончить этот подсчет.

манеру Ленина всем трелям партийных соловьев. Возможно, подлинное красноречие в том и состоит, чтобы быть выше красноречия? Скорее, тут глубокое знание аудитории. Ленин — большой знаток толпы.

Бесспорно, он — прирожденный вождь и первостатейный руководитель людьми. Мне несколько раз довелось быть свидетелем того, какое огромное влияние оказывает он на людей, порой на тех, кто по своему складу, взглядам и социальному положению не должны были бы стать легкой добычей большевистской агитации. Позволю себе рассказать о двух случаях, которые меня особенно поразили. Оба они относятся к первым дням большевистского триумфа в 1917 году, но при этом испытали на себе влияние личности Ленина абсолютно разные люди.

В первом случае речь идет о рабочем петроградского завода, человеке лет под пятьдесят, трудяге, отце семейства, отличающемся спокойным нравом, не слишком умном, еще меньше образованном, честняге. Он считал себя социал-революционером, но, как и большинство петроградских рабочих, с весны 1917 года находился под сильным влиянием большевистской пропаганды, надо сказать, очень умно выстроенной. Завод, на котором он трудился, был «отсталым», рабочие не являлись даже в большинстве своем профессионалами, а скорее крестьянами, которые пришли туда с началом войны. Подавляющая часть не имела и не могла иметь политических убеждений; но почти все называли себя либо меньшевиками, либо социал-революционерами, поскольку то были самые умеренные партии, к которым уважающему себя рабочему прилично было принадлежать; не принадлежать ни к одной из партий считалось дурным стилем (с тех пор времена изменились: сегодня русские рабочие больше и слышать не хотят ни о каких политических партиях). Большевики сначала были в меньшинстве, но держались сплоченно, особняком, получали беспрестанно инструкции и терроризировали остальных: достаточно сказать, что им удалось навязать обязательную подписку на «Правду» (большевистский орган, руководимый Лениным) всем рабочим и мастерам завода. Самими работниками руководил молодой рабочий, очень умный, надменный, умевший хорошо организовать свои личные дела — до перехода к большевикам он входил в «Союз русского народа» (черносотенцы). И вот, тотчас после большевистского переворота, рабочие этого завода пришли на митинг и «присоединились к новому строю». Они выработали и приняли помпезную резолюцию, сомнительную с точки зрения грамотности, но не с точки зрения содержания: вчерашние социал-революционеры и меньшевики приветствовали Советскую власть,

диктатуру пролетариата, немедленное заключение всеобщего мира «без аннексий и контрибуций» и т. д., и все это согласно инструкциям, полученным от заводской большевистской ячейки; сотни подобных резолюций пеклись тогда, как блины, на всех заводах и во всех воинских частях Петрограда. Рабочему, о котором я веду рассказ, было поручено отнести эту резолюцию в Смольный, где располагалось тогда правительство. Он отправился туда и был принят непосредственно Лениным, на что у подателя резолюции, вероятно, было мало надежды. Старый демагог, за нехваткой времени отказывавший иностранным министрам, позднее отославший графа Мирбаха — всемогущего посла Германии — к Свердлову, которого не без ехидства назвал «первым должностным лицом Советской республики», принял незнакомого рабочего, явившегося к нему с резолюцией, составленной на каком-то второстепенном заводике... Вольно же поклонникам большевизма обливаться слезами умиления, слушая рассказ о демократизме председателя Совета Народных Комиссаров. Что до меня, я восторгаюсь его демагогическим талантом: так добиваются популярности в стране, где с нижними слоями населения веками обращались, как со скотом*. Я встретил этого рабочего, когда он выходил от Ленина. Он был потрясен, полностью преобразился. Всегда спокойный и рассудительный, он как будто бы находился в состоянии экстаза. «Вот человек, — повторял он, — вот человек, за которого я отдам свою жизнь! Теперь, с ним, начнется новая жизнь! Ах, если бы наш царь был таким! К чему тогда революция?» Последняя фраза, запечатлевшаяся в моей памяти, приведена здесь дословно. Бедняга, сам не зная того, цитировал Шекспира: «Цезарь убит, пусть его убийца станет Цезарем!» «Но о чем он с вами говорил?» — спросил я его чуть позже, когда он слегка успокоился. Ответ был туманный: «Все принадлежит вам, — якобы сказал Ленин, — все ваше. Берите все! Мир — для пролетариев. Не верьте никому, кроме нас... У пролетариев нет друзей: одни мы являемся друзьями рабочих...» Эти демагогические фразы, лишённые смысла, это обещание земного рая, который грядет на смену долгому нищему существованию, рабочий мог до того слышать сотни раз. Что это было? Заразительность глубокой веры? Магнетизм сильной личности**?

* Мне рассказали, что в 1918 г. Ленин часто показывался со своей женой на организованных большевиками публичных балах, посещаемых прислугой, матросами, кучерами, и беседовал с ними о политике, как какой-нибудь Гарун-аль-Рашид без инкогнито.

** Добавлю (ибо это типический факт), каковы были последствия для данного завода беседы Ленина с посланцем рабочих. Само собой, меньшевики и социал-революционеры завода тут же вступили в большевистскую

Второй случай, свидетелем которого я оказался, — совсем иного плана: юноша двадцати лет из очень хорошей, зажиточной и культурной семьи, умница, образованный, сложный и деликатный по внутреннему складу, талантливый поэт, учащийся Политехнического училища и временно Артиллерийского училища. В ночь, последовавшую за большевистским переворотом, волею судеб он оказался в зале Смольного института, где впервые публично показался Ленин, до того скрывавшийся после провала революции в июле. В эту триумфальную ночь все большевистские главы произносили пламенные речи перед подгулявшей солдатней. Однако ни Троцкий, ни другие не произвели на молодого человека впечатления. Зато Ленин, принятый неистовыми рукоплесканиями, потряс его до глубины души. «Это была отнюдь не политическая речь, — делился он со мной. — Это был крик души человека, который три десятилетия ждал этого мгновения. Мне показалось, я слышу голос Джироламо Савонаролы». А ведь юноша вовсе не был сторонником большевиков и так и не перешел на их сторону: это был несчастный Леонид Каннегиссер*, который год спустя застрелил из револьвера большевика Урицкого, палача Петроградской коммуны.

Савонарола? Да, возможно. В Ленине есть что-то от Савонаролы, а еще больше от тех фанатиков, которых великое множество в истории русских религиозных сект. С моральной и интеллектуальной точек зрения, в нем соединились Савонарола и Тартюф. Это сложная и в то же время бедная натура: под сложностью я не подразумеваю богатство. Сумасшедший, хитрый, как все сумасшедшие, маленький мудрец и визионер в одном лице, знаток масс, ничего не смыслящий в человеке, *сложный примитив*, сочетающий в себе поверхностные черты: элементарный фанатизм, элементарную хитрость, элементарный ум, элементарное безумие.

партию. Несколькими днями позже к директору завода, очень порядочному человеку либеральных убеждений, были применены санкции. Затем рабочие буквально выполнили ленинский совет и «все взяли», заставив администрацию по-прежнему выплачивать им заработную плату. А сами продавали старьевщикам инструменты и сырье. В январе 1918 г. завод окончательно встал. Рабочие из числа крестьян вернулись в деревню; война закончилась, их больше не страшил набор; профессиональные рабочие оказались на государственном содержании (если это слово подходит к большевистской России): в качестве безработных или охранников (небольшое число).

* Этот несчастный молодой человек, чьи блестящие способности и благородный характер были столь многообещающими, был расстрелян большевиками. Темные слухи ходили по столице, будто его четыре раза пытали.

Возможно, в этом его сила, ибо что есть более элементарного, чем полубразованная масса русских рабочих? Один писатель, принадлежащий к социалистам, рассказывал мне о том разочаровании, которое испытал, услышав впервые выступление Ленина: создается впечатление, что ленинское красноречие воздействует в большей степени на юных поэтов и старых

Какова цель его политических действий? Социальные эксперименты большого масштаба: он экспериментатор-маньяк. Со всей его верой в себя и свои идеи мог ли он серьезно верить в немедленный и окончательный успех своего великолепно поставленного опыта в Кремле (или, скорее, в Бисетре)? Это, по крайней мере, сомнительно. Он заявил несколько месяцев назад Максиму Горькому (мне рассказал об этом один французский друг, слышавший это от Горького): «Самое удивительное во всей этой истории то, что все еще не нашлось никого, кто выставил бы нас за дверь». Но разве отрицательное воздействие этого эксперимента *in anima vili** не в счет? В любом случае из этого получится урок коммунизма. Кажется, это главная мысль всех кремлевских коммунистов. «Если мы провалимся, — говорил один из самых известных большевиков, — то снова возьмемся за дело позднее, вот и все. Социальная революция отложится до следующего раза». Все очень просто. Обрушение целого государства, разорение народа, несколько миллионов трупов** — стоит ли принимать все это в счет? Разве все это имеет значение для людей со столь высокими устремлениями?

И каковы же результаты действий Ленина? Отвращение, надолго полученное народными массами в России ко всему, что имеет отношение к понятию «социалистический».

«Современные события несомненно являют полное торжество идеи забитой и загнанной буржуазии: ее победители буржуазнее, чем она сама.

Ленин прав: жизнь, взбаламученная “социалистической революцией”, принесет в деревню „кодекс новой правды”. Только этот кодекс, вероятно, будет — с небольшими поправками — Десятый Том Свода Законов. Он освятит сложившееся положение вещей, закроет на многое глаза и назовет благоприобретенным награбленное имущество.

«Штык создал у нас новый верхний слой, новоявленную плутократию, капиталистов в хаки, эксплуататоров в красноармейской

---

* На подлые души (*лат.*).

** Если большевики останутся хозяевами России до весны 1920 г. (к несчастью, это возможно), гражданская война, голод и холод приведут к новым миллионам смертей.

шапке. Я видел, как эти солдаты плясали на танцуйках во дворцах Раевских и Победоносцевых. Сегодняшняя аристократия танцует меньше, чем вчерашняя, но защищать свои права она станет намного лучше.

Любителям исторической телеологии предлагается ответ на вопрос: для чего нужен Ленин? Для торжества идеи частной собственности. Если верить К. Пруткову, рабочих, чем на ученых социологов. «Я ждал, — говорил он мне, — социологического анализа ситуации, а услышал лишь полные ярости призывы и крики ненависти: «Остановите капиталистов! Бросьте их в тюрьмы!» Я был озадачен: так значит вот что такое это их хваленый Ленин?» — «А аудитория тоже была разочарована?» — спросил я. — «Ему устроили беспрецедентную овацию, — ответил он, пожав плечами. — *Quod erat demonstrandum?* Чего ж вам еще? Все эти лозунги отличаются ужасающей простотой: «Долой войну! Остановите капиталистов! Берите все, товарищи рабочие!» Да ведь с их помощью он и завладел Россией».

Timeo homines unius libri*[127], — учил Фома Аквинский. Гораздо опаснее люди одной газеты. Особенно если она называется «Правдой». Простота большевистских лозунгов — первая из главных сил, которые имеются в наличии у Ленина. Я уже говорил о второй: мизантропической составляющей его поступков. А третья — его вера в самого себя и в свои поступки: эмигрант, влачащий свои дни в нищете, руководящий небольшой группой изгнанников, он был одержим мечтой завладеть Россией, Европой, Вселенной.

В книге «Дон Луиджи Тости» Эрнест Ренан пишет о «пренебрежении к толпе, — сложном чувстве, замешенном на бунтарстве и бессилии, представляющем собой нечто непоколебимое, упорное, стоическое, являющееся отличительной чертой сильных итальянских душ». Все это присутствует и в Ленине. В нем обнаружили натуру мечтателя, согласно традиционным представлениям иностранцев, составляющую главную черту славян. Я не очень люблю обобщения, построенные на основе национальной либо расовой принадлежности, ибо они весьма редко выходят за рамки истинных банальностей, на поверку оказывающихся ложными. Ленин — вполне русский человек, и все же во многих отношениях нечто противоположное славянину в том смысле, в каком обычно это слово воспринимается специалистами по национальной психологии. Говорят, славяне — люди слабохарактерные; он обладает железной волей. Говорят, славяне — романтики; в нем и на грош нет романтики. Говорят, славяне преклоняются перед метафизи-

---

* Боюсь человека одной книги (*лат.*).

кой: нельзя быть в меньшей степени метафизиком, чем Ленин; его мечта, если она у него есть, крайне приземлена: казарма, управляемая большевиками, — вот его идеал. <...>

Протопопов компрометировал реакцию и подготовлял революцию. Ленин компрометирует революцию и подготовляет реакцию. Прежде мы могли утешаться формулой, завещанной России Пушкиным: „чем хуже, тем лучше”. Теперь, к несчастью, чем хуже, тем хуже.

Все, что делается, есть самая очевидная и чистейшая импровизация. Русская революция, как дочь родную мать, напоминает русскую войну. Ленин законный наследник Николая Николаевича. Поход на капиталистический строй, по замыслу и подготовке, стоит похода на Карпаты. Где будут при отступлении „заранее подготовленные позиции”?

В Парижском Люксембургском музее есть прекрасная скульптура Тюргона: слепой ведет парализованного. Московитская Совнаркомия должна была бы украсить свой герб изображением этой статуи»*.

<...>